

М И

Тяжело мне говорить об этом.
Ваза и два бокала стоят на верхней полке витрины,
вместо цветов покупал я, несмотря, что там
обычно дарят девушкам цветы.
Стояли на столе. Ее ждали. Тонкое, полупрозрачное
стекло, как кожа ее, сквозь которую
пронизывалась плоть, и видно было, как тонкая мышца на носу
маленькую ямочку натягивает в моментах
разгорячения сердца.
Остались на столе, возможно, так и не осознала, что это для нее.
Память теперь, изящная улика моих грехов.
Я был глубоко уверен, что после трехлетней разлуки
мы должны быть рядом, соприкоснувшись хоть голышом
всю ночь, может гораздо дольше, чтобы
наконец поставить бывшее на место
и достойное для нас обоих продолжение найти.
Возможно и она точно тоже самое хотела,
только на день позже,
только помешал ей какой то принцип, отсутствие опыта,
или как раз ее чувства ко мне, чтобы я не подумал, она
без всяких нравов
и снимается за вечер.
Нет, она не могла подумать, что я тут
просто хочу ее уложить в постель, и все, что прошу
всего лишь от мужского себялюбия!
Нет, она не могла подумать, что я тут лукаво
ее собираюсь обокрасть!
Почему она не поняла?! Почему ее слезы
не покатались до самих губ: Не делай! – ведь только слезы
могли знать, не ум, кто есть кто, и чего стоит.
Я чувствовал как рухнули во мне опоры, когда уходила с тем,
что давай, завтра встретимся вновь.
Посмотрел на развалины и подумал, теперь уж все равно,
и совершил свой грех, себе с тех пор достойно отомстить не могу.
На следующий день под вечер постучала, ведь
напрасно ждала там, где договорились.
Я вышел к ней, впустить ее было нельзя.
Так больно, что не стало ее, что для нее вот это есть я,
и что правда остается тайной перед ней на веки.